

НАУКА ЭКОНОМИКА: ТОЧКИ БИФУРКАЦИИ

А. В. Ковалёв

кандидат экономических наук, доцент, Белорусский национальный технический университет, г. Минск, Республика Беларусь, e-mail: kavalious.aliaksandr@gmail.com

В статье изложено видение современного состояния науки экономики как развилки, причём ситуация сходна уже возникавшей в истории экономики полтора столетия назад. Отсутствие в науке Человека требует парадигмального изменения, которое приведёт к модификации предмета науки в сторону большей правдоподобности предпосылок, анализа человеческого действия с обязательным учётом институциональных факторов.

Ключевые слова: наука экономика; человек; институты; маржиналистская революция.

ECONOMIC SCIENCE: THE BIFURCATION POINTS

A. Kavalious

PhD in economics, associate professor, Belarusian National Technical University, Minsk, Republic of Belarus, e-mail: kavalious.aliaksandr@gmail.com

The article presents the vision of the contemporary state of the science of economics as a fork, and the situation is similar to that which already arose in the history of economics a century and a half ago. The absence of a Human in science requires a paradigm change that will lead to a modification of the subject of science in the direction of greater plausibility of the premises, an analysis of human action with the obligatory consideration of institutional factors.

Keywords: economic science; a man; institutions; marginalist revolution.

Настоящая статья продолжает размышления о судьбах экономической науки, обозначенные профессором П. С. Лемещенко [1]. Наука экономика в очередной раз в своей истории оказалась в своего рода точке бифуркации – и от выбора дальнейшего пути зависит и судьба самой науки, и понимание (и сохранение) человеком всей хозяйственной системы как природно-общественной среды своего существования. Мы полагаем, что всё ещё сложнее – экономика *вернулась* в точку бифуркации, на развилке которой однажды уже выбрала неверное направление, и сегодня ей предоставляется новый шанс. К счастью (или нет), на новом уровне знания.

Предыдущий поворот случился 150 лет назад и известен в истории мысли как «маржиналистская революция». Название, к слову, не очень удачное, поскольку выделяет в качестве атрибутивного не некий сущностный признак, а только подход к анализу – своеобразный «анализ приращений», «анализ на грани» – тем не менее, именно слово «маржиналистский» подчёркивает тенденцию к формализации науки. Ключевым же отличием новой парадигмы представляется отказ от затратного подхода в вопросе объяснения происхождения ценности благ – и разрешение данного вопроса на полезностно-редкостной основе.

Революция в науке привела к радикальным изменениям:

- во-первых, это разделение единой политэкономии в широком смысле слова на экономику как таковую, социологию, политэкономиию в узком смысле как науку о процессе принятия политических решений и частные экономические науки. При этом подобное разделение несло в себе как негативные следствия (неучитывание значимых социальных факторов при анализе в экономике), так и определённые плюсы (отделившиеся науки захватили в своё предметное поле больше количество явлений, подлежащих объяснению);

- во-вторых, в сформировавшемся мейнстриме «чистой экономики» не осталось места человеку в том виде, в котором он действительно существует, – и Номо Economicus, высчитывающий удовольствия и страдания, давно стал объектом насмешек;

- наконец, концентрация на совершенствовании формальных методов исследования привела к упрощенческому толкованию экономического развития. Требуемая при применении математического инструментария строгость и точность неизбежно потребовала отказа от реалистичности предпосылок формулируемых теорий, и как следствие – к радикальному снижению их объяснительной способности [2]. По мнению П. Кругмана, «...экономика сбилась с пути, поскольку экономисты... ошибочно приняли математическую красоту за истинность» [3].

Вместе с тем, бифуркационная ошибка – не смена подхода к объяснению ценности (и как следствие, всех остальных хозяйственных феноменов) как таковая, а в том, какой именно вариант объяснения был выбран в качестве магистрального направления развития экономической науки. Смена стала объективным следствием поступательного изменения хозяйственной практики [3] и внутренней логикой развития самой науки. Парадоксальным образом до маржиналистской революции человека в экономической науке обнаружить было непросто – господствовал «объективный» подход. Именно субъективизация ценности соответствует видению Человека отправной (постановка цели) и конечной (реализация цели) точкой исследования. И именно рассмотрение всей хозяйственной деятельности в системе «цель – средства» позволяет корректно понимать предмет науки в формулировке Л. Роббинса [4].

И в этой связи интересным становится вопрос – почему из трёх разных исследовательских программ авторов маржиналистской революции возобладала в качестве будущего мейнстрима Вальрасова парадигма общего равновесия с вкраплением Джевонсовского максимизатора полезности? Одним вариантом объяснения [2] является достаточно высокий уровень абстракции теории Менгера, в котором ценность не просто неосознаема и неизмерима – ценность «есть суждение», следствием из чего выступает невозможность равновесной цены и равновесия как такового. Акторм экономической науки казалось нелогичной смена теории классической школы в представлении Маркса, в которой уровень абстракции даже избыточен (все реальные явления хозяйства – превращённые формы существных), на сходную.

Сходство с марксовым подходом у представителей австрийской экономической школы наблюдается и в важности учёта институциональных аспектов функционирования хозяйственной системы. А отсюда нету и полшага к формулировке необходимости включения теории экономики в более широкую науку – праксиологию (по Л. Мизесу) или теорию хозяйства (по Ю. М. Осипову).

При этом принцип методологического субъективизма, являющийся элементом твёрдого ядра научно-исследовательской программы австрийской школы, позволяет легко трактовать человеческие действия в терминах хозяйственной, а не только экономической в узком смысле слова, рациональности. Дело в том, что человеческая рациональность не сводится к «максимизаторской установке», действия индивида рациональны/разумны в субъективном смысле – всё, что человек делает, в момент совершения действия является для него рациональным действием [5]. А недоступность наблюдения непосредственных мотивов человеческого действия приводит к невозможности во многих случаях определить тип рациональности. К примеру, житель деревни купил три пачки сигарет, оставив в магазине одну единственную – при этом зная, что купленного ему будет недостаточно до следующего завоза товара, а последнюю пачку купит сосед. Что стало причиной подобного действия: пересмотр потребительских предпочтений? альтруистичное желание сделать соседу приятно? создать благожелательное мнение о себе глазах соседа? жадность – если сосед узнает, что купил он, придётся того угощать? желание получить удовольствие от разговора с соседом в процессе совместного перекура? Мотив известен только самому индивиду. Данный простой пример многократно усложняется и становится в такой же степени важным и интересным для анализа, если в качестве вариантов выбора будут фигурировать краткосрочная выгода (и неважно – от «чистого» экономического выбора или от альтруистической установки) и долгосрочное сохранение условий жизни...

Методологические подходы Вальраса и Джевонса оказались более простыми: место категории «ценность» в их построениях занимает измеримая в гипотетических ютилях полезность, цена товара четко определена и едина, процесс равновесия легко описывается математическими формулами. В конечном счёте данные подходы заняли магистральное течение экономической мысли, далее произошла «канонизация» [3] мейнстрима; формальные методы исследования становились всё более изощрёнными, затушёвываая сущностные вопросы науки. Логическим завершением процесса стало замещение в качестве объекта анализа реального мира некоей теоретической реальностью.

Сегодня наука экономика снова на развилке развития. За полтора столетия методы анализа радикально усовершенствовались, появилась возможность «естественных» экспериментов. Значительное развитие получили смежные науки, включая психологию, появилось целое направление в виде новой поведенческой экономики – но стали ли мы лучше понимать ключевые вопросы: какие институциональные факторы обеспечили экономический рост и развитие? что является основой распределения национального дохода между владельцами ресурсов? что является истинными целями людей в хозяйственной деятельности и какие социальные институты их достижение в наилучшей степени обеспечивают? Как достичь баланса между временем как целью человеческой жизни и временем как ресурсом?

Не ошибиться бы повторно с выбором направления движения...

Библиографические ссылки

1. *Лемещенко П. С.* Наука экономика в человеческом измерении // Тенденции экономического развития в XXI веке : материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 1 марта 2022 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: А. А. Королёва (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2022. С. 59–62.
2. *Ковалёв А. В.* Экономическая теория: назад в будущее? // Вопросы теоретической экономики. 2018. № 2. С. 47–57.
3. *Мальцев А. А.* О возможных истоках кризиса экономической теории // Общественные науки и современность. 2012. № 6. С. 87–99.
4. *Гребнев Л. С.* О предмете экономической науки или С чего начинать преподавание экономики? // Вопросы экономики. 2007. № 8. С. 134–145.
5. *Ковалёв А. В.* Методология австрийской школы: забытая перспектива? // Общественные науки и современность. 2018. № 1. С. 108–118.